

мировоззрений и идеологий. Поэтому терпимый человек, в отличие от беспринципного или равнодушного, не только мирится с существованием враждебной ему идеологии, но и учитывает возможность посягательства на свои идеалы со стороны противника.

Различие между терпимостью и равнодушием, выражающимся в попустительстве идейному противнику, всегда ясно осознавалось в русском социуме. Терпимость с его стороны проявлялась в миролюбии, стремлении избежать конфликта (напр.: *Худой мир лучше доброй ссоры; В мире жить – с миром жить; Хоть собой поступишь, да помирись*). С другой стороны, излишний либерализм всегда получал в русском обществе отрицательную оценку, критерием которой чаще всего становился ущерб от попустительства, напр.: *Кобыла с волком мирилась, да домой не воротилась; Дай ему потачки, так и сам от него на карачках; Дай воли на палец – всю руку откусят; Пусти козла в огород – яблонь страхом не огородишь; Ему дай волю, а он две возьмет; Где потачка, там и повадка; Вора миловать – добро погубить*.

Сделанные наблюдения позволяют сделать вывод о существовании в коллективном сознании русского социума двух оснований нормативной оценки терпения, а именно нормы и идеала. В то время как с позиций нормы оцениваются чаще всего количественные характеристики терпения, его интенсивность и продолжительность (напр.: *долготерпение, безграничное терпение*), объектом оценки с точки зрения идеала становятся свойства самого субъекта терпения. Неспособность субъекта терпеть негативные воздействия или проявлять терпимость в отношении тех явлений, с которыми готово мириться общество, обычно воспринимается этим обществом с неодобрением, как *нетерпеливость* или *нетерпимость*. С другой стороны, неспособность или нежелание субъекта защитить принятые в обществе идеалы также получает в социуме отрицательную оценку, причем ответственность за нарушение требований идеала возлагается в равной степени и на их нарушителя, и на того, кто излишней терпимостью способствовал их несоблюдению: *Кто злым попускает, сам зло творит; Вору потакать – что самому воровать; Не вор ворует, а поноровщик*.

Литература

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М., 1997.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984.
3. Платон. Диалоги. М., 1986.
4. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997.
5. Свешников В., протоиерей. Очерки христианской этики. М., 2001.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1956.
7. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 1997.
8. Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1995.

Т.Н. Александрова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Вопрос о семантических особенностях отсубстантивных прилагательных представляет собой одну из интереснейших проблем словообразовательной семантики. Многие исследователи, занимавшиеся этой проблемой, отмечают, что прилагательные указанной категории обладают неким общим значением отношения и потому всегда могут быть описаны формулой – «имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным», например, *профессорский* – ‘имеющий отно-

шение к профессору’. Отмечается также, что для прилагательных указанной категории характерны многообразные конкретизации выражаемого в них общего значения отношения к предмету. Конкретизации эти выявляются, как правило, контекстуально, в сочетании прилагательных с разными определяемыми существительными. Например, в сочетании *мужские виды спорта* конкретизацией общего значения отношения является значение предназначения ‘предназначенный для того, кто назван мотивирующим

существительным', а в сочетании *мужской голос* – значение свойственности 'свойственный тому, кто назван мотивирующим существительным'. Эта особенность отсубстантивных прилагательных отмечается как русскими [1], так и английскими [2; 3] дериватологами.

Нельзя не отметить, что уточнение общего словообразовательного значения (СЗ) происходит по линии категории квалификативности, которая принимает в системе адеквативной лексики характер сравнительной оценки. Категория квалификативности неразрывно связана с делением производных прилагательных на качественные и относительные, в английской терминологии – “relational and qualitative” [2, с. 17], “transpositional and semantic” [4, с. 132]. Многие лингвисты отмечают трудности такого деления из-за неразработанности четких и неоспоримых критериев (см.: [5; 2, с. 109; 6] и др.). Решение этого вопроса невозможно без обращения к понятиям синтаксической деривации (чистой транспозиции) и лексической деривации (мутации) [7, с. 69]. Главным критерием разграничения этих понятий является ориентация словообразовательных процессов на синтаксис или лексику, что влечет за собой наличие определенных типов семантических сдвигов в производной единице по сравнению с исходной, т.е. главным является критерий лексического содержания производной единицы, которое по сравнению с лексическим содержанием производящей единицы остается неизменным (при синтаксической деривации, когда наблюдается только изменение синтаксической функции исходных единиц) или претерпевает изменения (при лексической деривации).

Спор о границах синтаксической и лексической деривации есть по существу спор о границах между относительными и качественными прилагательными [7, с. 69]. Нельзя не согласиться с тем, что направленность относительных прилагательных на характеристику субстанции через установление ее связи с другой субстанцией детерминирует то, что относительные прилагательные по своему определению должны быть синтаксическими дериватами. Равным образом качественные прилагательные по своему определению должны быть лексическими дериватами, поскольку конечной целью при образовании качественных прилагательных является создание слов, обозначающих признаки, свойства, характеризующие субстанцию вне ее отношения с другими субстанциями или явлениями.

Открытым остается вопрос о факторах, определяющих развитие различных конкретизаций общего значения отношения в семантике отсубстантивных прилагательных, и, следовательно, степени предсказуемости их возможных лексических значений. Подчеркивая, что значения отсубстантивных прилагательных предсказуемы, Е.С. Кубря-

кова, на наш взгляд, справедливо отмечает, что «они предопределяются не только семантической структурой исходного слова, но – главным образом – его концептуальной структурой» [8, с. 21]. Этот тезис чрезвычайно важен для методики исследования особенностей формирования лексических значений производных слов.

В настоящей статье предпринимается попытка определения степени предсказуемости возможных значений отсубстантивных прилагательных, образованных на базе имен лица классифицирующей семантики, например, *учительский, солдатский, юношеский* и т.п. Интерес представляет, во-первых, выявление возможных типов конкретизаций общего значения отношения в структуре значений прилагательных этой группы, во-вторых, определение факторов, обуславливающих реализацию этих возможностей.

Анализ значений прилагательных, мотивированных именами лица, позволяет выделить следующие основные, наиболее распространенные, конкретизации общего относительного значения: 1) посесивное СЗ 'принадлежащий тому, кто назван мотивирующим существительным', например, в сочетании *купеческая дочь*; 2) СЗ назначения 'предназначенный для того, кто назван мотивирующим существительным', например, в сочетании *дамский салон*; 3) СЗ свойственности 'свойственный тому, кто назван мотивирующим существительным', например, в сочетании *женское кокетство* и 4) компаративное СЗ 'подобный тому, кто назван мотивирующим существительным', например, в сочетании *бомжеватый посетитель*.

Перечисленные конкретизации общего относительного значения указывают на типы семантико-синтаксических отношений между производным прилагательным и определяемым им существительным, которые устанавливаются с помощью трансформационного анализа, ср.: *купеческая дочь /дочь купца, дамский салон/салон для дам, женское кокетство /кокетство, свойственное женщинам, бомжеватый посетитель /посетитель, похожий на бомжа*.

В зависимости от типа отношений между определяемым существительным и производным прилагательным в семантике последнего актуализируются либо предикатные компоненты значения мотивирующего имени лица, либо идентифицирующий компонент. Например, на фоне отношений принадлежности и назначения в производном прилагательном актуализируются идентифицирующие компоненты значений мотивирующих имен лица, ср.: *папин шарф, мамыны перчатки, женское платье, мужские виды спорта* и др. Соответственно производные со значениями принадлежности и назначения относятся к сфере синтаксической деривации.

На фоне отношений свойственности и подобия в производном существительном актуализируются предикатные компоненты. Рассмотрим реализации перечисленных отношений на примере употребления русского производного прилагательного *отеческий* и английского производного прилагательного *fatherly*.

Следующие примеры иллюстрируют реализацию компаративного СЗ в производном прилагательном *fatherly*. Ср.: *Yet he could not help being what he was, a fatherly, kindly old man...* (Theodore Dreiser "The Financier"). ...*and Babbitt tried, with no success whatever, to be fatherly and advisory with her* (Sinclare Lewis "Babbit"). ... *he was so fatherly and indulgent toward the boat's family, and so patient of minor shortcomings, he could be stern enough when the fault was worth it* (Mark Twain "Life of the Mississippi").

Из приведенных примеров явствует, что в производном прилагательном *fatherly* выдвигаются следующие предикатные компоненты производящего имени лица *father*: 'kindly (добрый)', 'advisory (готовый дать совет)', 'worthy (достойный)', 'indulgent (снисходительный)'.

В русском языке находим примеры реализации СЗ свойственности в производном прилагательном *отеческий*. Ср.: *У Ивашкиных он был своим человеком и к Зине питал нежное отеческое чувство* (Чехов А.П. «Соседи»).

Таким образом, процесс выдвигания в семантике производного прилагательного предикатных компонентов способствует его контекстному «окачествлению», регулярность этого процесса ведет к закреплению сем качества в производном прилагательном языковой системой. Сказанное позволяет сделать вывод, что производные прилагательные с СЗ свойственности и подобия относятся к сфере лексических дериватов, поскольку предикатные компоненты, выдвинутые в их семантике, являются тем «новым», что отличает их от мотивирующих имен лица.

Следует отметить различную степень качества производных прилагательных с СЗ свойственности и подобия. Производные прилагательные с СЗ свойственности обозначают признак, свойственный лицу, названному мотивирующим существ-

вительным. Они обозначают качественный признак опосредованно, через апелляцию к тому или иному атрибуту имени, обозначенному конкретным существительным, ср.: *материнские руки (нежные, ласковые руки)*, или через апелляцию к другому признаку, выраженному отвлеченным существительным, которое обозначает качество, чувство, манеры, особенности поведения и др., ср.: *материнская нежность, доброта*. Таким образом, прилагательные этого семантического типа называются признаком, который может быть характеристикой лица, но с названиями лица такие прилагательные не сочетаются.

Прилагательные со значением подобия имеют более высокую степень качества, они обозначают признак того, кто назван мотивирующим существительным, то есть признак, который прямо приложим к названиям лица. Это признак в чистом виде, поэтому прилагательные с этим значением сочетаются с именами лица, ср.: *аскет* → *аскетичный (человек)*.

Анализ русских и английских отымённых прилагательных исследуемой группы показывает, что возможность реализации перечисленных значений обусловлена как минимум двумя факторами: 1) формальным типом модели производного и 2) концептуальной структурой производящего. Рассмотрим каждый из названных факторов отдельно.

1) Формальные типы моделей производных прилагательных, образованных на базе имен лица.

В русском языке производные прилагательные на *-ск* могут быть включены в сферу синтаксической и лексической деривации, т.е. быть соответственно относительными или качественными. Производные на *-оват*, *-лив*, *-н*, *-ист*, *-подобн* и *-образн* включены в сферу лексической деривации.

Показатели частотности реализации рассматриваемых СЗ различными моделями приводятся в таблице 1.

Покажем примеры реализации перечисленных типов значений в русских отымённых прилагательных различных формальных типов.

СЗ принадлежности реализуется в производных прилагательных на *-ск*: *Эраст Петрович блаженно*

Таблица 1

Модель	Всего употреблений	Сфера синтаксической деривации		Сфера лексической деривации			
				СЗ свойственности		СЗ подобия	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
<i>-ск</i>	550	420	76.4	130	23.6	—	—
<i>-оват</i>	14	—	—	7	50	50	
<i>-ист</i>	1	—	—	—	—	1	100
<i>-лив</i>	20			18	90	2	10
<i>-н</i>	10	—	—	—	—	10	100
<i>-подобн</i>	1	—	—	1	100	—	—
<i>-образн</i>	1	—	—	1	100	—	—

улыбнулся и пропел: «Он был титулярный советник, она **генеральская** до-очь, он робко в любви объясни-лся, она прогнала его про-очь» (Акунин, «Азазель»).

СЗ назначения реализуется в производных прилагательных на **-ск**: *К счастью, не доходя модного дамского салона Дарзанса, «объект» замедлил шаг, а вскоре и вовсе остановился* (Акунин, «Азазель»).

СЗ свойственности реализуется в производных прилагательных на **-ск, -оват, -лив, -подобн, -образн**: *При этом он был целомудренным и застенчивым юношей. Ему претило **женское** кокетство.* (Довлатов, «Наши»). *Странное сочетание: **хищноватая** улыбка и грустный, если не тоскливый, взгляд* (Аксёнов, «Остров Крым»). *Гигантам было стыдно за их **змееподобные** ноги, за космы со следами болотных ночевков, за вздутые ревматизмом суставы и грубые мускулы, похожие на замшелые камни* (Аксёнов, «Круглые сутки нон-стоп»).

СЗ подобия реализуется в производных прилагательных на **-оват**: *Барон оглянулся на **молодцеватого** офицера в каске с плюмажем, неподвижно застывшего возле входа* (Акунин, «Азазель»). *Старик уже успел собрать вокруг себя нескольких **бомжеватых** слушателей* (Пелевин, «Поколение “П”»).

В английском языке производные прилагательные на **-ly, -ish, -like, -y, -ic, -ian** включены в сферу лексической деривации, в них реализуются СЗ свойственности ‘свойственный тому, что названо производящей основой’ и компаративное СЗ ‘подобный тому, что названо производящей основой’.

Показатели частотности реализации перечисленных выше СЗ различными моделями приводятся в таблице 2.

Покажем примеры реализации перечисленных типов значений в английских отымённых прилагательных различных формальных типов.

СЗ свойственности реализуется в суффиксальных прилагательных на **-ly, -ish, -like, -y, -ic, -ian** и в производных прилагательных морфологической конверсии: *The little man sat down, quite at his ease, and yet still with a **servant-like** air, the air of a valet enjoying a privilege* (George Orwell, “Nineteen Eighteen-Four”). *...and funny, **boyish** face under that bold skull, all screwed up with laughter, made his remarks*

sometimes extremely droll (Maugham, “The Painted Veil”) . *You take a **scholarly** interest in Newspeak, I believe?*” (George Orwell, “Nineteen Eighty-Four”), *‘Mr. President, sir,’ said Gavin, in a drawl of **Churchillian** consonants, ‘I had the honour of spending two years defending the heights of Caterham whence all but we had fled, and who could blame them?* (Frederic Raphael, “The Glittering Prizes”), *Winston thought for a moment, then pulled the speakwrite towards him and began dictating in Big Brother’s familiar style: a style at once military and **pedantic**...* (George Orwell, “Nineteen Eighty-Four”). *...he who was so timid of saying absurd things, who so feared to be ridiculous should use **baby** talk* (Maugham, “The Painted Veil”).

СЗ подобия реализуется в производных прилагательных на **-ly, -ish, -like, -y**: *I saw right away he was a fine-appearing, **gentlemanly** young man, and when he told me he was an Oggxford I knew I could use him good* (F. S. Fitzgerald, “The Great Gatsby”). *But he still looked garishly **boyish**, as though he went to a mortuary cosmetologist regularly* (Kurt Vonnegut, “Mother Night”). *...they made an extremely strange pair going down the street together, the big ruddy happy man with the crewcut and corduroy jacket and sometimes pipe in mouth, and the little **childlike** Chinese boy* (Jack Keruac, “Big Sur”). *On the far side of the room, sitting at a table alone, a small, curiously **beetle-like** man was drinking a cup of coffee, his little eyes darting suspicious glances from side to side* (George Orwell, “Nineteen Eighteen-Four”). *My neighbor was a **foxy** old man named George Kraft* (Kurt Vonnegut, “Mother Night”).

Следует заметить, что в английском языке прилагательные, образованные на базе имен лица классифицирующей семантики, регулярней, чем в русском языке, развивают значение подобия (ср. данные табл. 3).

2) Концептуальная структура производящего имени лица как фактор, обуславливающий реализацию различных типов словообразовательных значений.

Лексическая деривация в отличие от синтаксической менее регулярна как в русском, так и в английском языке. Качественная семантика развивает-

Таблица 2

Модель	Всего употреблений	Сфера синтаксической деривации		Сфера лексической деривации			
				СЗ свойственности		СЗ подобия	
		к-во	%	к-во	%	к-во	%
N+suf=A							
-ly	71	–	–	22	31	49	69
-ish	41	–	–	22	53.7	19	46.3
-like	24	–	–	18	75	6	25
-y	13	–	–	–	–	13	100
-ic	7	–	–	5	71.4	2	28.6
-ian	8	–	–	8	100	–	–
N→A	3	–	–	3	100	–	–

Таблица 3

1. Словообразовательный потенциал классифицирующих имен лица в русском языке						
Общее количество отыменных прилагательных	Сфера синтаксической деривации		Сфера лексической деривации			
			СЗ свойственности		СЗ подобия	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
197	196	99.5	41	20.8	4	2
2. Словообразовательный потенциал классифицирующих имен лица в английском языке						
	Сфера синтаксической деривации		Сфера лексической деривации			
			СЗ свойственности		СЗ подобия	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
58	–	–	49	84.4	45	77.6

ся избирательно, лишь у незначительной части производных прилагательных, образованных на базе наименований лица определенных лексико-тематических классов. Это во многом определяется семантической, а шире — концептуальной структурой производящих имен лица. Так, в русском и английском языках значение подобия развивается в прилагательных, образованных на базе наименований лица по роду деятельности, ср. в русском языке: *артист* → *артистичный*, *виртуоз* → *виртуозный*, *мастер* → *мастеровой*, *педант* → *педантичный*, *комик* → *комичный*, *деспот* → *деспотичный*, *шут* → *шутоватый*, *эксцентрик* → *эксцентричный*, в английском языке: *artist* → *artistic*, *athlete* → *athletic*, *boss* → *bossy*, *clown* → *clownish*, *comic* → *comical*, *despot* → *despotic*, *dictator* → *dictatorial*, *diplomat* → *diplomatic*, *don* → *donnish*, *manager* → *managerial*, *master* → *masterly*, *masterful*, *scholar* → *scholarly*, *clerk* → *clerkly*, *clerkish*, *lubber* → *lubberly*; по сословному положению, ср. в русском языке: *аристократ* → *аристократичный*, *интеллигент* → *интеллигентный*, *мужик* → *мужиковатый*, в английском языке: *knight* → *knightly*, *king* → *kingly*, *lord* → *lordly*, *queen* → *queenly*, *prince* → *princely*, *knave* → *knavish*, *matron* → *matronly*, *aristocrat* → *aristocratic*, *boor* → *boorish*, *churl* → *churlish*, *knave* → *knavish*, *parasite* → *parasitic*; по отношению к административно-правовым и противозаконным действиям, ср. в русском языке: *вор* → *вороватый*, *жулик* → *жуликоватый*, *хулиган* → *хулиганистый*, в английском языке: *charlatan* → *charlatanistic*, *thief* → *thievish*; по полу, ср. в русском языке: *женщина* → *женоподобный*, *муж* → *мужеподобный*, в английском языке: *man* → *manish*, *manly*, *manful*, *manlike*, *woman* → *womanish*, *womanly*, *womanlike*, *lady* → *ladylike*, *maiden* → *maidenly*, *maidenlike*, *matron* → *matronly*.

В английском языке качественные прилагательные образуются также на базе имен лица по возрасту, ср.: *boy* → *boyish*, *girl* → *girlish*, *child* → *childish*, *childlike*, *childly*, *kid* → *kiddish*, *kidlike*, *baby* → *babyish*, *tomboy* → *tomboyish*, *imp* → *impish*, родственным отношениям, ср.: *mother* → *motherly*, *father* →

fatherly, *brother* → *brotherly*, *sister* → *sisterly*, *daughter* → *daughterly*, *grandfather* → *grandfatherly*, *grandmother* → *grandmotherly*, по неродственным отношениям, ср.: *buddy* → *buddy-buddy*, *friend* → *friendly*, *chum* → *chummy*, *comrade* → *comradely*, *mate* → *matey*, *neighbour* → *neighbourly*, *unneighbourly*, *pal* → *pally*, по семейному положению, ср.: *widow* → *widowish*, *widowlike*, *bachelor* → *bachelorly*, *old-maid* → *old-maidish*, *spinster* → *spinsterly*, *spinsterish*, *spinsterlike*, *wife* → *wifely*.

В русском языке имена лица указанных тематических классов не участвуют в производстве прилагательных со значением подобия, хотя производство прилагательных со значениями принадлежности и свойственности возможно, ср.: *брат* → *братский поцелуй*, *дочь* → *дочерний долг*, *мать* → *материнская нежность*, *отец* → *отцовский совет*, *сестра* → *сестринская помощь*, *сын* → *сыновний долг* и др.

Можно заметить, что среди классифицирующих имен лица словообразовательным потенциалом в сфере производства качественных прилагательных обладают те из них, в структуре значений которых легко выделяются характеризующие компоненты. Когнитивная интерпретация этих процессов позволяет заметить, что с референтами классифицирующих имен лица (представителями различных профессиональных, социальных, национальных, возрастных групп) связаны устойчивые ассоциации, которые являются элементами национальной когнитивной базы. Эти ассоциации складываются в национальные стереотипные образы. Новое в семантике качественных прилагательных есть не что иное, как атрибуты национальных стереотипных образов, которые актуализируются в процессе лексической деривации.

Атрибутами стереотипных образов могут быть характерные черты внешности, свойства природы, особенности поведения, интеллектуальные свойства. Рассмотрим примеры, иллюстрирующие актуализацию тех или иных атрибутов стереотипных образов представителей различных профессиональных, социальных и возрастных групп.

1) Атрибуты, характеризующие внешность, ср. в русском языке: *Его лицо было типичной бандитской пельмениной невнятных очертаний, не вызывавшей, впрочем, особого отвращения* (Пелевин, "Поколение "П"). – *Боюсь, ваше высокопревосходительство, все гораздо хуже, – сказал господин профессорского вида, разглядывая карточку на свет* (Акунин, «Азazelь»). *Старик уже успел собрать вокруг себя нескольких бомжеватых слушателей* (Пелевин, "Поколение "П"); в английском языке: *What met the eye were a green Tyrolean hat set upon a cropped head, mustard – coloured tweeds tight on a mannish figure, and... (Maugham, "The Painted Veil"). ...and funny, boyish face under that bold skull, all screwed up with laughter, made his remarks sometimes extremely droll* (Maugham, "The Painted Veil").

2) Атрибуты, характеризующие свойства натуры, ср. в русском языке: *Родом она из Черемисовых, первойшей заволжской фамилии, еще Петром Великим возведенной из купеческого звания в графское достоинство, У нас ведь, сами знаете, брань на воротах не виснет, а тычки с затрецинами от начальства у простого народа за отеческое внушение воспринимаются* (Акунин, «Пелагия и белый бульдог»); в английском языке: *I expect him to be all bitter and out of his head because of this but strangely and magnificently he's become quieter, more radiant, more patient, manly, more friendly even...* (Jack Kerouac, "Big Sur").

3) Атрибуты, характеризующие особенности поведения, ср. в русском языке: *Боря явно изменился. В его манерах появилось что-то аристократи-*

ческое. Какая-то пресыщенность и ленивое барство (Довлатов, «Чемодан»); в английском языке: *The little man sat down, quite at his ease, and yet still with a servant-like air; the air of a valet enjoying a privilege* (George Orwell "Nineteen Eighteen-Four"). *Her flush had now deepened, but she defended herself calling up her most ladylike manner* (Cronin "The Northern Light"). *...keep a strictly granddaughterly sort of role* (Fowles, "The Ebony Tower").

4) Атрибуты, характеризующие интеллектуальные свойства, ср. в русском языке: *Превосходно! – подхватил Феликс Станиславович. – У вас истинный криминалистический талант!* (Акунин, «Пелагия и белый бульдог»). *На фабрике детских игрушек обнаружили крупное государственное хищение. – У меня нет актерских способностей* (Довлатов, «Чемодан»); в английском языке: *Why could you not have left me as I was, in the sea of being?* «Because a world has need of your humility, your piety, your great teaching and your Machiavelian scheming.» (Rodger Zelazny, "Lord of Light").

Таким образом, анализ семантических результатов в сфере производства отымённых прилагательных, с одной стороны, дает возможность установить факторы, которые обуславливают лексически ориентированную деривацию. С другой стороны, это дает ключ к пониманию особенностей языковой и концептуальной картин мира, поскольку в актах лексической деривации осуществляется апелляция к стереотипным образам, характерным для национального сознания того или иного лингвокультурного сообщества.

Литература

1. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
2. Post Michal. Denominal Adjectivization in Polish and English. Wroclaw Wydawn., 1986.
3. Clark E. V., Clark H. H. When Nouns Surface as Verbs. Language 55.
4. Marchand H. On the Attributive and Predicative Derived Adjectives and some Problems Related to the Distinction. Anglica 84. 1966.
5. Lees R. The Grammar of English Nominalizations. Hague, 1960.
6. Ljing Magnus. English Denominal Adjectives. A Generative Study of the Semantics of a Group of High Frequency Denominal Adjectives in English. 1970.
7. Харитончик З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка. Минск, 1986.
8. Кубрякова Е.С. Когнитивная лингвистика // Известия АН: Сер. Литературы и языка. 2002. Том 61, № 1.

Источники

1. Словарь русского языка в четырех томах (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
2. Cronin J. A. The Northern Light. M., 1958.
3. Fowles F. The Ebony Tower. Moscow, 1980.
4. Maugham W. S. The Painted Veil. M., 2000.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd, Third edition, 1995.
6. Webster's New World Dictionary of American English/ Editor in chief Victoria E. Neufeldt. – 3rd college edition. Webster's New World, Cleveland and New York, 1988.

Электронные источники

1. www.triada-web.ru
1. www.iddk.ru
2. www.lib.ru
3. www.orwell.ru
4. www.ldn-knigi.narod.ru

О.И. Блинова

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ МОТИВОЛОГИЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Томский государственный университет

Сопоставительная мотивология (СМ), возникшая как продукт обобщения наработок сопоставительного аспекта описательной мотивологии [1, с. 242–246; 2, с. 17–24; 3; 4], ведет свой отсчет с 80-х гг. XX в. Ее рождение совпало с периодом активизации в отечественной и мировой лингвистике сопоставительных, сопоставительно-типологических и контрастивных исследований в области лексикологии, семасиологии, ономасиологии, синхронного словообразования (Р.А. Будагов, В.Г. Гак, В.К. Будовичова, А.Е. Супрун, У.К. Юсупов, А.Й. Гудавичюс, В.Г. Павел, М.М. Гинатулин, З.М. Волоцкая, Е.Г. Которова и др.).

Методологической и онтологической базой СМ является мотивология описательная, основанная в начале 70-х гг. прошлого века. Первое систематизированное представление мотивологии как науки об одном из ранее не изучавшемся лексическом явлении – явлении мотивации слов – дано в докторской диссертации автора – «Проблемы диалектной лексикологии» (Томск, 1974), где оно рассмотрено наряду с другими лексическими явлениями – явлением формального варьирования слова и явлением синонимии. В работе определены в лексикологическом ключе исходные понятия мотивологии, проанализированы лексические процессы, обслуживающие тенденции к мотивированности и произвольности языкового знака, обращено внимание на функции внутренней формы слова.

В качестве одного из приложений к диссертационному исследованию автора предложен фрагмент мотивационного диалектного словаря [5], по образцу которого некоторое время спустя был опубликован двухтомный «Мотивационный диалектный словарь» [6], охвативший около 2000 словарных статей. В работе над словарем коллектива его составителей прошли своеобразную апробацию основные термины мотивологии.

Вслед за публикацией словаря вышла в свет монография «Явление мотивации слов» [7], в которой

изложены основы теории мотивологии с разработкой важнейших ее аспектов: онтолого-методологического, функционального, динамического, сопоставительного, лексикографического, источниковедческого. Книга опиралась на разные источники: литературный язык и диалектную речь, язык художественных произведений и публицистику, язык СМИ.

Названные аспекты получили дальнейшее развитие в трудах представителей Томской лингвистической школы: в докторских и кандидатских диссертациях, монографиях, статьях М.Н. Янценецкой, Н.Д. Голева, В.Г. Наумова, Т.А. Демешкиной, Г.А. Ракова, А.Н. Ростовской, Н.Г. Нестеровой, М.В. Курьшевой, Г.В. Калиткиной, Е.В. Михалёвой, Е.А. Юриной, И.В. Тубаловой, Е.В. Найдён, Е.В. Бельской, М.Н. Кураповой (Дроздович), И.А. Кунгушевой и др., названия которых нашли отражение в библиографическом указателе по мотивологии, включающем несколько сот публикаций [8]. В их числе работы по сопоставительной мотивологии А.Д. Адиловой, И.Е. Козловой, А.С. Филатовой, Н.А. Чижик, К.В. Гарганеевой, С.Б. Велединской, Л.В. Дубиной, Е.Ю. Сыпало (Погудиной), О.С. Михайловой.

СМ как дочернее научное направление наследует всю систему исходных научных понятий описательной мотивологии: «мотивированность», «мотивационные отношения», «внутренняя форма слова», обозначения ее составляющих – «мотивационная форма», «мотивационное значение», «мотивирующая часть», «формантная часть», – «мотиват», «мотиватор», «мотивема» и многие другие, представленные как единая терминосистема в «Словаре терминов мотивологии» [9, с. 13–59].

Мотивология удачно сочетает ряд принципов современной научной парадигмы: антропоцентризм, системность, функционализм, динамизм и два взаимосвязанных подхода – лексикоцентрический и текстоцентрический, которые также наследует СМ.